

ОПЫТЫ

М. Н. Кладов

АПЕЛЬСИНЫ НАБОКОВА

Прекрасный плод, увесистый и гладкий,
ты светишься, как полная луна;
глухой сосуд амброзии несладкой,
душистый холод белого вина.

Лимонами блистают Сиракузы,
Миньону соблазняет апельсин,
Но ты один достоин жажды музыки,
когда она спускается с вершин.

В. Набоков. Помпелимусу

В пыли, поднятой набоковедческими, набокофильскими, набококритическими статьями, можно закашляться (*Nabo-cough*, как поперхнулся Кинбот). Но среди всего этого изобилия нам не довелось встретить упоминания о ярких, блестящих шарах – об апельсинах, что разбросаны по текстам Набокова с надоедливой настойчивостью. Впрочем, мы остережемся – встречали именно только упоминания, совсем немного, почти незаметные, если не знать, что искать.

С самого начала следует предупредить, что, строго говоря, речь пойдет не об апельсинах Набокова. Точнее было бы сказать *цитрусовые Набокова*, или, уже обнимая все семейство, – *рутовые Набокова*. Но «рутовые» – слишком тотально и, конечно, мало кому о чем-то скажет, цитрусовые – самое меткое, неприятно своим циканием и торгово-ботаническим оттенком, зато «апельсин» радует и слух, и ассоциации.

Цитрус (*citrus*) – цитрусовые плоды принадлежат к роду цитрусовых, подсемейству помеланцевых, семейству рутовых. Вечнозеленые деревья и кустарники рода цитрус выращивают в тропических и субтропических поясах. В Европу были завезены в конце пятнадцатого столетия. Оранжево-золотистые, темно-оранжевые или блекло-оранжевые плоды содержат ви-

тамины группы В, Р, витамин С, в бугристой коже – эфирное масло. Гигантское содержание витамина С, цвет и место происхождения (на краю света – в Китае) слишком сильно напоминают яблоки из сада Гесперид и отечественные «молодильные», чтобы это можно было сходу игнорировать.

Владимир Владимирович Набоков (1899–1977) – писатель, орудовавший на двух языках (с несколькими отклонениями в третий), произрос в России, из которой попал в Европу, из нее – в Америку, а затем – снова в Европу. Профессор литературы и ученый-лепидоптеролог.

Первая проба, с позволения сказать – инициация, произошла, надо полагать, как-нибудь под Рождество. Ощущение праздника, брызгущая сочность, нежность пленок, сильный аромат. В стихотворении «Рождество» (1921):

...и мандаринами и бором
в гостиней пахнет голубой [Набоков, 1990а, 30].

Что странным образом перекликается с русской автобиографией «Другие берега» (1954): «...через зеленую залу (где мандаринами и бором пахло так долго после Рождества), по направлению к “библиотечной”» [Набоков, 2000а, 468]. Один запах – разные комнаты, или одна комната, по-разному мнемозинированная. На Рождество Набоковы, надо полагать, ели сорт мандаринов «уншиу» (*C. Unshiu Marcovitch*), по сей день самый популярный сорт мандарина, он был впервые ввезен в Россию как культура в 1894 г. в Сухуми, а в 1897 г. из Японии в Батуми и очень быстро распространился.

Начальная загадка и апельсиновая жалость

Довольно трудно уловить первый шепот этой темы в творчестве Набокова, но зато в полный голос она слышится в рассказе «Венецианка» (1924) и сразу – как загадка. На открывающуюся в конце тайну Набоков намекает совсем чуть-чуть, лишь только кисло-сладким совкусием в качестве апельсинового джема, поглощаемого Франком (он-то и есть персонаж, вокруг которого закручивается загадочность): «Только Франк был, как всегда, спокойно весел, блеснул зубами, вкусно грыз горячие гренки, смазанные апельсиновым вареньем» [Набоков, 2000б, 1, 96]. Венецианка подает юноше лимон (*Citrus limon* Burm.), хотя создается впечатление, что в корзинке у ней на самом деле цитроны (*C. medica* L.) Легкая и хитрая набоковская подача идет в «мертвую зону» читательского корта (о сходстве некоторых цитрусовых плодов с теннисными мячами ниже). Немножко неловкий рассказ как бы приоткрывает все последующие цитрусовые, тайна только складывается: «Таким образом, сухой сморщенный плод, случайно найденный садовником, является единственной загадкой во всем этом рассказе» [Там же, 108]. Здесь лимон загадочен, романтичен и несколько мрачен.

Иную роль играет другой родственник – апельсин (*Citrus sinensis* L.) – в «Машеньке» (1926). Нежно лелеемый, явно симпатичный автору персонаж – полногрудая, с пригожими *очесами* Клара, словно в возмещение своих страданий, в утешение своей несчастной любви получает от автора апельсины¹.

Вместе сплетены и утомительная работа («Я очень устаю. Я совершенно одна в Берлине») [Набоков, 1990б, 61], и апельсины, которыми можно перекусить-утешиться: «Клара, уже опоздавшая на службу, ждала трамвая на углу, прижав к груди бумажный мешок с апельсинами» [Там же, 41]; «...а та радушная торговка, у которой Клара по дороге на службу покупает апельсины» [Там же, 50]. Набоков терзает Клару Ганиным, но, в нашем смысле, равноценно заменяет его живительным плодом.

Подобный дискурс апельсинов опять очень явно проявляется в связи с симпатиями автора. В самом, пожалуй, «теплом и человечном» прозаическом произведении Набокова – рассказе «Пильграм» (1930) снова в самом начале промаркирована структура взаимодействия персонажа и апельсинов (в данном случае так же очень важна простая колористика – цвета желтый, оранжевый): «...фруктовая лавка с пирамидами ярко освещенных апельсинов» [Набоков, 2000б, III, 531]; примечательно, что эти пирамиды лежат на пути к магазину бабочек, коим и владеет Пильграм. Сам цитрусовый оттенок можно проследить в генах Пильграма: «Его покойный отец... женился, уже под старость, на желтой светлоглазой голландке» [Там же, 534], в грезах Пильграма: «В Конго на жирной, черной земле плотно сидели, сложив крылья, желтые и оранжевые бабочки, будто воткнутые в грязь» [Там же, 539], и через строку: «И на Суматре, в саду, среди джунглей, апельсиновые деревья в цвету привлекали одну из крупнейших денниц...» Пильграм умирает, он и обычен, и уникален, а окружен кисловатым золотистым свечением.

«Защита Лужина» (1930). Толстый, сумрачный, одышливый («He's fat, and scant of breath», – говорит королева, протягивая сыну свой платок) шахматист Лужин окружен апельсинами. Текст построен на постоянном спасении апельсинами (цитрус, витамин C) от наваждения шахмат. Его жена имеет в себе этот желтоватый световой эффект, без которого невозможно слияние данных текстуальных нитей: «... тихий петербургский дом, где у мебели, у вещей была своя душа, где в киоте был незабвенный гранатовый блеск и таинственные апельсиновые цветы» [Набоков, 1990б, 166] (ну конечно же, таинственные). И предложение Лужин делает под: «... великолепный закат, как до конца выжатый, до конца истерзанный апельсин-королек» [Там же, 172]. Насыщенные оранжевые цвета линяют, когда Александр Иванович погружается в расчерченный мир, в мир шахматных квадратов; все же проявления витальности насквозь цитрусовы: «Поздравляю, налимонился, – сказала хозяйка дома, глядя на Лужина... – Поздравляю. До положения риз» [Там же, 195] (правда, Лужин не пьян). Лужин гуляет и полнится жизнью, автор одаривает его (чувствует свою вину и предвкушает страдания своего персонажа) своими *золотыми плодами*, посвятив этому несколько внушительных предложений: «Апельсины, – сказал Лужин, указывая тростью на лоток. – Апельси-

---

¹ Так у Диккенса – очень четко и прямо: юных Тудлей в мрачном доме Домби (еще один «Bleak House» Диккенса) утешают не только полупенсами, но и апельсинами, притупляют приступы горя, успокаивают ввиду будущих беспокойств. Семейство Домби и автор в самом начале как бы подкупают Тудлей, чтобы тревожить их и впредь. Это «апельсиновое утешение».

ны, – повторил со вкусом Лужин» [Там же, 229] и т. д. Лужин стремится к апельсинам, он их рисует: «В столовой были очень круглые апельсины, которые все почему-то принимали за томаты» [Там же, 231]. Но Лужин умирает.

Заботу о персонаже может взять на себя ангел, и даже он не обойдется без апельсинов. «Занятой человек» (1931) (отдаленное отношение к «The Business Man» Эдгара Алана По): «... хозяйка покупала для него продукты, а сосед передавал ему через нее то апельсин, то журнал, то слабительное в кокетливом конвертике» [Набоков 2000б, III, 562]. Сосед – Иван Иванович Энгель, полноватый господин с седыми кудрями, представитель иностранной фирмы, очень иностранной – ангел-хранитель.

Кровавый апельсин

Все апельсины относятся к одному виду, однако различаются четыре разновидности: обыкновенные (средиземноморские), пупочные (с миловидной кожистой складкой), яффские (грушевидные) и корольки. Обратим особое внимание на последний. *Корольки* – с более мелкими, чем другие апельсины круглыми или овальными плодами (90–170 г). Спелый плод с темно-оранжевой кожурой, мякоть кроваво-красная (их еще называют красномясными) обладает типичным винным привкусом.

Очень интересно это «особенное» значение апельсинов. Сие можно увидеть собственно в рассказе «Королёк» (1933). Да, Романтовский вовсе не замечательный поэт, не «вправду особенный», а просто фальшивомонетчик («Королёк по-ихнему значило фальшивомонетчик» [Набоков, 1990 а, 425]), но у него на комод, рядом со спиртовкой, лежали два апельсина, это во-первых. Даль же, в своем словаре, грубовато сообщает, что королёк – это красивый и редкий выродок, напр., апельсин с малиновой мякотью, это во-вторых. Выродок Романтовский все-таки особенный, где-то даже поэт (как в «Картофельном Эльфе»: «фокусник Шок все-таки поэт в своем роде» [Там же, 277]), и именно поэтому подан с апельсинами плюс с пикантной преступной добавкой (винным привкусом).

Красноватый и трагичный (корольковый) закат, под которым делал предложение Лужин, ничего хорошего в конечном итоге не предвещал. Очень минорно звучит и в поэме «Бледное пламя»:

The painted parchment papering our cage:
Mauve rings around the moon; blood-orange sun [Nabokov, 1996a, 28].

В русском переводе С. Б. Ильина:

Живописал я нашу клетку: ком
Кровавый солнца, радуга, муар [Набоков, 1991, 29].

В общем, великолепный переводчик нам не подходит, поскольку в английском «blood-orange» и есть королёк, кровавый апельсин (в своем игривом оправдании Ильин сам написал: «Перевод, разумеется, потерял в точности, зато читать его веселее» [Там же, 5]. Здесь красномясный восход грустит о скорой смерти своего поэта, неподражаемого Джона Шейда. В автобиогра-

фических мучениях, когда юный и влюбленный Владимир со своей Тамарой ищут «уединенности» в музее, с замерзшего сизого неба за ними ехидно наблюдает «красное, как апельсин-королёк, солнце». Королёк – выродок трагичный, уникальный, восхитительный.

Апельсины для lawn-tennis

Tut pocherk zhizni stanovitsa kraine nerazborchivym (говоря на родном языке Адама Круга), сплетенная автором паутина едва заметна, узор литературы прихотливо переходит в узор жизни, эти затененные тенета, едва различимые, попробуем различить.

Как мы все знаем, кажется, первое в русской литературе упоминание о том, что иногда называют «большим» теннисом встречается в «Анне Карениной» (Весловский обожал играть с Анной Аркадьевной), где в родовом имении Вронского, среди прочих англицизмов был и корт (по современным меркам – вряд ли высокого класса). Еще более англоязычная семья Набоковых тоже частенько играла в теннис (это начало «рассуждения о тенях»).

Несмотря на бесстыдно-современную яркость суперобложки и на «продажные» замечания на ее заднике, – все равно отличное издание (печать офсетная, бумага офсетная – замечательное типографское двустороннее, даже расположенное соответственно) бойдовской биографии Набокова среди прочих очаровательных ненужностей включает в себя подборку фотографий (9). На одной из них, плутоватый, шеголеватый Набоков со своей невестой (не более чем невестой, а впоследствии обладательницей шикарной фамилии *Андро де Ланжермон*) Светланой Зиверт и ее совершенно излишней двоюродной сестрой. Светлана держит в крупноячеистой сетке – (интересно, эта особенность набоковской пунктуации уместна в данном случае?). Теннисные ракетки (или, лучше *ракеты*, на старый лад), любовно прижимаемые молодым Владимиром, идеальная округлость шаров в этой сетке безнадежно указывают на то, что это все-таки мячи, теннисные мячи, очень похожие на небольшие цитроны или мандарины. Не беспокойтесь, читатель: в нашем безумии есть система.

Вот тут попытаться вступить на призрачную, полную полутонов поверхность теневых (скорее *shade*, чем *shadow*) коннотаций. В «Лолите» ген апельсинов (и их связь с теннисными мячиками, ворсистыми, желтыми или белыми, как тальк) можно проследить на таком простом примере, чтобы не уходить слишком далеко. Повесть довольно добротного французского писателя Проспера Мериме «Кармен» (1845) (опереточные трагедии, фольклорные банальности) очень четко прослеживается во многих темах набоковской «Лолиты». Несколько, навскидку: «В доме Лолита поставила свою любимую пластинку “Малютка Кармен”, которую я всегда называл “Карманная Кармен”» [Набоков, 1994, 185] (в английском варианте: *In the house, Lolita had put on her favorite «Little Carmen» record which I used to call «Dwarf Conductors»* [Nabokov, 1996b, 47]); «О Кармен, Карменситочка...» [Набоков, 1994, 200] (в английском варианте: *O my Carmen, my little Carmen* [Nabokov, 1996b, 63]); и в конце романа Гумберт уже обращается к Лолите, используя прямые реминисцен-

пии из «Кармен». У Мерне апельсины много раз мелькают между цыганкой и влюбленным в нее баском, доном Хосе: в первую с ним ночь она прежде всего покупает дюжину апельсинов, сцена в Гибралтаре, в доме англичанина, мастерски выстроена на апельсинах, и дон Хосе пробирается в этот дом, прикинувшись торговцем апельсинами. Так, апельсины связывают героев Мериме, у Набокова мячики для *lawn-tennis* – Гумберт учит Лолиту играть, и она однажды кидает в него «старый серый теннисный мяч» [Набоков, 1994, 196] (на английском: *old gray tennis ball* [Nabokov, 1996b, 58]). Цыганка Кармен кидает в баска Хосе испанские апельсины, цыганка Лолита (та же вульгарность, те же танцы) швыряет в европейца Гумберта американские теннисные мячи. Собственно говоря, теннис был одним из того немногочисленного, что объединяло Лолиту и Гумберта². Нечеткость апельсинов как бы подкрепляется призрачной подставкой из параллельного мира.

Цитрусовая бижутерия ...ее много – постоянные отблески, фривольное мельтешение. Луна для Набокова-поэта чуть приправлена лимоном (она и вправду бывает желтовата в густые насыщенные ночи, что подмечали многие поэты, например небезызвестный А. С. Пушкин в «Зимнем утре»): «Висит в набухшей мгле лимон луны огромный» [Набоков, 2000б, I, 464], так в стихотворении «Ночные бабочки» (1922), а в «Шекспире» (1924):

...звал женский голос сквозь узор железа,
звал – на балкон – высокого инглеза,
томимого лимонною луной [Там же, 633]

Солнце, как уже было замечено выше, не раз становится красномясным, апельсином-корольком. В англоязычных произведениях Набокова (где апельсинов по разным причинам меньше) цитрусы нередко используются для сравнения как своеобразное измерение мира через фрукты в «Bend Sinister» («Дурной изгиб» (1947), кое-кем переводимый как «Под знаком незаконнорожденных»): мячик, похожий на большой апельсин. Ну, и конечно, апельсиново-лимонную диету, тонизирующую и укрепляющую, Набоков настоятельно рекомендовал некоторым своим персонажам: «желтоволосая, нервная, вчера изучала испанский язык, нынче питалась апельсиновым соком» (Набоков, 1990а, 378), а Лоренсу Клементсу – в награду за то, что его дом приютил несчастного профессора Тимофея Пнина.

Что же так томит Набокова в цитрусах (томный вопрос, якобы разделяемый с читателем)? Вот здесь мы и обратимся к тем самым упоминаниям, о которых мы обмолвились в самом начале. Н. Берберова в своей не очень ловкой статье «Набоков и его “Лолита”» делает некоторое мановение в нашу сторону. Она говорит о художественных приемах Набокова и называет второй из них – «образы-гурии», своего рода навязчивая художественная мания,

² Что очень интересно – в экранизации «Лолиты» Стэнли Кубриком по сценарию самого Набокова, Куильти с Гумбертом играют в пинг-понг, как два пьяных римских сенатора (*Roman ping – Roman pong*), этот настольный теннис («маленький теннис») – грубая неосознанная насмешка Клэра-Дромадера над благородным *lawn-tennis*, а еще намек на скорую смерть Куильти («ping» с английского можно перевести как «свист» – от пули, разумеется).

осколок мании. Среди многих образов Н. Берберова замечает и «таинственный (для непосвященных) спелый фрукт, имеющий важный смысл в развертывании сюжета, замененный в “Зловещем изгибе” фонарем» [Набоков В. В.: *pro et contra*, I, 299]³. Но, как нам кажется, уже удалось показать, что собственно для сюжета «спелый фрукт» играет немного роли, это не символ, и в своей полифоничности в нем крайне сложно ухватить метафору (мы их хватали, а они оборачивались другими). Трудно навязать на игривый, хитроумно золотящийся апельсин тяжелую долю сюжетного смысла – увильнет в другой смысл, найдет иную тему.

Может быть, отец самого Набокова, а не Лужина говорил: «...когда произносишь “лимон”, делаешь поневоле длинное лицо, а когда говоришь “апельсин”, – широко улыбаешься» [Набоков, 1990б, 229]. Или, еще вернее, – если апельсины своим беззаботным золотистым свечением отпугивают любую «тяжесть нудящих смыслов», то очень прав пошловатый, но талантливый художник Трощейкин (выращенный в питомниках Набокова, значит, в нашем смысле, ему можно доверять): «И побольше апельсинов, – этих, знаешь, кислых, но красивых: это сразу озаряет весь стол» [Набоков, 2000б, V, 454] («Событие», 1938). Цитрусы кислые, но очень красивые – они озаряют весь текст, все творчество Набокова. Поблескивают не очень броско, не притязают на особое к себе внимание.

Таким образом, сочные, кисло-сладкие плоды, несмотря на разгадки, остаются загадкой Набокова, если, конечно, его муза просто не предпочитала апельсины на десерт, сие есть дело только вкуса: чеховская, к примеру, выбирала чай и запах дыма, а хемингуэевская пристрастилась к алкоголю.

Бойд. Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография. М.; СПб., 2001.

Набоков В. В.: *pro et contra*: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология: В 2 т. Т. 1 / Сост. Б. Аверин и др. СПб., 1999.

Набоков В. Круг: Поэтические произведения. Рассказы. Л. 1990а.

Набоков В. Дар: Романы. Свердловск, 1990 б.

Набоков В. Бледное пламя. Свердловск, 1991.

Набоков В. Приглашение на казнь. Лолита. М., 1994.

Набоков В. Другие берега: Романы. М., 2000а.

Набоков В. Собрание сочинений: В 5 т. СПб., 2000б.

Nabokov V. *Pale Fire*. N. Y., 1996а.

Nabokov V. *Lolita*. N. Y., 1996б.

---

³ С данной статьей нам довелось познакомиться в первом томе обширной антологии «Набоков В. В.: *pro et contra*». Примечательно, что составители примечаний антологии допускают довольно много оплошностей и неточностей, спотыкаются в незнакомых сферах, в нашем случае – комментируя вышеприведенное высказывание Берберовой: «Возможно, помплимус (грейпфрут), упоминание которого впервые появляется в “Короле, даме, валете” (гл. 1). Ср. также восьмистишие Набокова “Помплимус”» [Набоков В. В.: *pro et contra*, т.1, 913]. Ну и, разумеется, грейпфрут это не помплимус.

Грейпфрут – *Citrus paradisi Macf.*, а помплимус (современное – помпельмус) – *Citrus grandis Osb.*, хотя оба относятся к подроду *Cephalocitrus*, очень неодинаковы: помпельмус обладает самыми большими цветами из цитрусовых и, конечно, самыми большими плодами – величиной с детскую голову или даже со средний арбуз.